РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помните одно: только корепью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II. стр. 298).

1856.

IV.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 20 дня 1856 года.

Цензоръ И. Фонъ Крузе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Литературныя и театральныя воспоминанія. *С. Т. Аксакова.* 1
Картины изъ Русскаго быта: I. Осколокъ льду. II. Разсказъ Верхоловцова о Пугачевѣ. III. Цыганъ. IV. Подтопъ. *В. И. Даля.* 53

НАУКИ.

Богатыри временъ Великаго Князя Владиміра, по Русскимъ пѣснямъ. *К. С. Аксакова.* 1
Разсказъ современника-Поляка о походахъ противъ Гайдамакъ (изъ «Записокъ о Южной Руси»). *И. А. Кулиша.* . . 68
О вліяніи развитія фабричной промышленности на земледѣліе. *С. Бѣльскаго* 102

КРИТИКА.

Исторія Россіи съ древнихъ временъ, соч. С. Соловьева. Т. IV. *К. С. Аксакова.* 1
Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. соч. Б. Чичерина. (окончаніе). *И. Кр.....ва.* 54
Споръ о сельской общинѣ. С. Соловьева. (Р. Вѣст. № 22). *И. Д. Бѣляева.* 115
Отвѣтъ на филологическія письма М. А. Максимовича. *М. П. Погодина.* 123

СМѢСЬ.

Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ (окончаніе). *В. В. Григорьева.* 1
Годъ Русскаго землепашца (II. Лѣто) *В. В. Селиванова.* 58
Письмо къ издателю Т. И. Филиппову. 92
Братчины. *С. М. Соловьева.* 108

ОТВѢТЪ

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

М. А. МАКСИМОВИЧА.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я твою статью, очень ловко написанную, хоть и приходилось мнѣ подъ часъ проворчать съ Тарасомъ Бульбою: «да онъ славно бьется, ей Богу, хорошо; такъ, хоть бы даже и не пробовать». Безъ шутокъ: статья твоя прекрасна, но нисколько для меня не убѣдительна. Приступимъ скорѣе къ дѣлу.

Ты считаешь мою фантазію, мое мечтаніе болѣе достойными вниманія, болѣе достойными опроверженія, слѣдовательно болѣе опасными, чѣмъ ученыя изслѣдованія гг. Срезневскаго и Лавровскаго, на споръ съ которыми вызывалъ тебя и, въ вашей наукѣ диллетантъ. Слишкомъ много чести для меня, но не слишкомъ ли мало справедливости къ «достойнымъ» (употребляю твое прилагательное) филологамъ?

Я предупредилъ читателей, представляя свои гаданія, что я не филологъ, а историкъ; я изложилъ весь процессъ своего мышленія—«путемъ не строгой филологіи, а наведенія, скользя, такъ сказать, по поверхности предмета.» Ты не умѣлъ оцѣнить моей искренности, въ жару своего мѣстнаго пристрастія, и даже вмѣнилъ мнѣ ее въ вину; ты не хотѣлъ стать на ту точку, на которую приглашалъ я безпристрастныхъ судей,—и пошелъ гулять на богатую общими мѣстами тему: «нельзя говорить безъ основаній.» Но вѣдь нашлись основанія подъ мою фантазію, и *а*, и *е*, и *и*, и *о*, и *у*.

Зачѣмъ же ты не разобралъ, по правиламъ науки, филологическихъ доказательствъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго? Вотъ съ кѣмъ тебѣ надо было имѣть дѣло, съ борцами, носящими одинакое съ тобою оружіе! А ты «присунулся» къ простодушному Великороссіянину, что самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на поле сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые, «ссѣдше съ конь, и порты и сапозѣ сняташе, боси поскочиша.» Тебѣ показалось веселѣе поиграть съ нимъ, какъ кошкѣ съ мышью, причитая ему всѣ его слова, въ разныя времена, при разныхъ случаяхъ, съ разными цѣлями, разными лицамъ сказанныя, толкуя ихъ по своему, стягивая насильственно вмѣстѣ—изъ примѣчаній, изъ рецензій, изъ писемъ, изъ антикритикъ; тебѣ показалось нужнѣе столкнуть прежде въ яму его, ѣхавшаго съ тобою, опустивъ поводья, съ полной довѣрчивостію, и отмстить, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, за Варяго-Норманскую схватку. Но Норманны сами по себѣ, а фантазія о древности Малороссіянъ въ Кіевѣ сама по себѣ.

Исторія всѣхъ наукъ представляетъ мысли, чаянія, догадки, предположенія, которыя вспадаютъ на умъ труженикамъ, когда они подходятъ, такъ сказать, къ краю на пути своихъ изслѣдованій, или встрѣчаютъ неприступную стѣну. Эти мысли бываютъ иногда дальнѣйшимъ заключеніемъ прежнихъ ихъ убѣжденій, иногда хватаются ими въ отчаяніи съ облаковъ.

Ты, на примѣръ, знаешь козачество лучше насъ всѣхъ; много ты объ немъ думалъ, — но какъ ты ни напрягалъ своихъ умственныхъ силъ, какъ ни старался собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, какъ наконецъ ни желалъ изъ глубины сердца (и эту силу желанія надо брать въ расчетъ) объяснить себѣ ихъ происхожденіе, этотъ любезный для тебя предметъ, ты не могъ ничего сдѣлать, и въ отчаяніи бросился, куда—въ Тмуторакань.

Ну, еслибъ я, по твоему телеграфскому методу, началъ выводить узоры по этому полотну: вотъ, де, гдѣ очутился М. А. Максимовичъ послѣ такихъ и такихъ странствій,— въ Тмуторокани. Ты согласишься, что я разгулялся бы

пошире твоего, но я не Телеграфъ, а Московскій Вѣстникъ и Москвитянинъ. Я уважаю даже salto mortale, которое иногда лучше всякихъ основаній объясняетъ дѣло, заключаетъ богатѣйшую руду рѣшеній и представляетъ вѣрное положеніе, хоть подтвердить его и нельзя. Припомни стихъ Крылова: не все вѣдь по суду докажешь!

Я не смѣюсь впрочемъ надъ Тмутораканью съ умысла. Докажи мнѣ только, что козаки Тмутораканцы, тогда ты услышишь отъ меня: Тмуторакань — Норманская колонія. Вотъ будетъ потѣха-то: не только Русь—Норманны, которыхъ ты оспориваешь, но даже козаки, любезные твои козаки— по собственному твоему изслѣдованію, окажутся Норманскими правнуками! Заранѣе услаждаюсь твоими доказательствами. Нельзя ли покрѣпче!

Теперь объ основаніяхъ, за которыя ты такъ сильно ратуешь. Основанія бываютъ различныя.

Шлецеръ провозгласилъ, и съ достаточными, кажется, основаніями: не говорите о народахъ прежде, нежели они являются подъ своимъ именемъ въ Исторіи! Всѣ ему повѣрили, и мы не смѣли заикаться о Славянахъ прежде 6 вѣка. Венелинъ пустилъ между нами впервые мысль, что народы могутъ скрываться долго подъ другими именами, и представилъ разительный примѣръ. Шафарикъ далъ наконецъ убѣдительныя доказательства древности Славянъ и заключилъ, что они пришли въ Европу послѣ Грековъ, Латинъ, Ѳракійцевъ и Кельтовъ. По вотъ Хомяковъ находитъ Славянъ въ Вандеѣ, Коляръ въ Италіи, Фальмерайеръ въ Греціи, Мацѣевскій и Вельтманъ въ Германіи, Чертковъ во Ѳракіи, и мало ли кто гдѣ, одни съ основаніями, другіе безъ основаній, надъ коими смѣется Шафарикъ,—а мнѣ приходитъ въ голову мысль: да не были ль Славяне первымъ слоемъ Европейскаго населенія, на который легли и сѣли послѣ другіе пласты: Кельты, Латины, Греки, Нѣмцы; отъ того-то и сквозятъ теперь они со дна и приводятъ насъ въ искушеніе? Для этой мысли нѣтъ основаній, противъ всѣхъ она авторитетовъ: позволишь ли ты имѣть мнѣ ее, или нѣтъ?

Наконецъ, чтобъ возвратиться къ Малороссійскому нарѣчію, изъ-за котораго завязался нашъ споръ, ты возстаешь на меня,

потѣшаешься надо мною въ особенности за то, что я, не зная Малороссійскаго нарѣчія, не имѣя основаній, осмѣлился говорить объ немъ и утверждать, что Малороссіяне пришли въ Кіевъ поздно.

Да въ этомъ-то незнаніи и заключается мое основаніе. Разсуди внимательно: я не знаю по Малороссійски, а лѣтописи, Несторову и Кіевскую, понимаю сполна, слѣдовательно въ нихъ нѣтъ ничего Малороссійскаго; а еслибъ оно было, такъ я не могъ бы такъ понять лѣтописей. Видишь ли мое основаніе? Видишь ли, что мое незнаніе приноситъ мнѣ въ этомъ случаѣ больше пользы, чѣмъ тебѣ твое знаніе? Видно, братъ, не знать иногда лучше, чѣмъ знать! Только ты не выводи изъ этого похвалы невѣжеству отъ моего имени—оборони тебя Богъ! Невѣжества никакого я терпѣть не могу. Ну—отшутился ли, отговорился ли я? Или пошутить еще?

Лѣтъ тридцать почти тому назадъ, разъѣзжалъ я съ М. С. Щепкинымъ по Малороссіи. Я не хочу отстать отъ тебя въ снабженіи статьи локальнымъ, какъ говорится нынѣ, колоритомъ и индивидуальнымъ интересомъ. Лежалъ я однажды, грѣясь на солнышкѣ, въ Ромнахъ надъ Сулою. Идутъ мимо кацапъ съ хохломъ. Кацапъ, разумѣется, плутъ, говоритъ добряку-хохлу: ты языкомъ-то не лякочи, а иди на благочестіе. Пойдемъ же и мы на благочестіе. Слушай. «Курьску изволи ити,» сказалъ Великій Князь Всеволодъ Ольговичь Мономахову сыну Андрею, а тотъ отвѣчалъ: «Лѣпыши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье: отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли. Хочю на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, братъ, не досита волости, всю землю Русскую дьржачи, и хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости. Обаче не дивно нашему роду, тако же и переже было: Святополкъ про волость чи не уби Бориса и Глѣба? А самъ чи долго поживе? Но и здѣ живота лишенъ, а онамо мучимъ есть вѣчно.»

Всеволодъ Ольговичь послалъ еще сказать Андрею:

«видиши, яко я къ тобѣ креста еще не цѣловалъ, а то ми былъ Богъ далъ, оже ся есте сами зажгли. Аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, тоже бы створилъ. А цыпѣ цѣловалъ еси хрестъ ко мнѣ—аже исправишь, а то добрѣ, не исправишь ли, а Богъ будетъ за всимъ.»

Я спрашиваю всякаго безпристрастнаго, грамотнаго человѣка, знакомаго съ существомъ языковъ: живыя это рѣчи или нѣтъ?

Живыя, живыя, живыя! Такъ именно, этими словами, говорили между собою Всеволодъ и Андрей, и лѣтописатель, человѣкъ того же рода, что и князья, занесъ ихъ рѣчи *живьемъ* въ свою лѣтопись, писанную на томъ же самомъ живомъ языкѣ.

Что ты ни пиши, какую диссертанію ни сочини объ *а*, какое изслѣдованіе ни сдѣлай объ *е*, какое разсужденіе ни представь объ *у*, съ переверткою *жд*, я съ тобою не соглашусь, не повѣрю, чтобъ приведенныя рѣчи были мертвыя, переводныя,—чтобъ онѣ были переведены съ живаго, яко бы Малороссійскаго языка, на мертвое церковное нарѣчіе!

Я нарочно привелъ тебѣ примѣры другіе, а не взялъ ихъ изъ выданныхъ прежде на твое растерзаніе дюжинъ, въ доказательство, что у меня ихъ столько, сколько душѣ угодно.

Если же это живыя рѣчи, то не могли онѣ принадлежать Малороссіянамъ, а принадлежали Великороссіянамъ, слѣдовательно въ Малороссіи теперешнихъ Малороссіянъ въ 12 столѣтіи не было, что и слѣдовало доказать, quod erat demonstrandum. Вотъ тебѣ разъ!

А вотъ два: ты кланяешься моему словарю удѣльныхъ князей, хоть объ изданіи его впрочемъ искренніе и безпристрастные друзья исторіи не нашли еще случая, кажется, упомянуть нигдѣ, даже въ библіографической хроникѣ; но не объ нихъ рѣчь, а вотъ объ чемъ: въ трехъ стахъ этихъ біографій есть ли одна, которая напомнила бы Тараса Бульбу, или Цѣтра, что въ «Страшной мести» столкнулъ своего друга въ яму?

Ты скажешь: мы не знаемъ такъ подробно жизни на-

ших древних князей, как знаем, благодаря художнику, Тараса или Пётра. Нѣтъ—мы знаем многія частныя черты, чтобъ судить о характерѣ Владимира, Василька, Давыда, Святополка, Владимира, Рюрика Ростиславича, Романа Мстиславича, Мстиславовъ, и проч. и проч. Да самъ Мономахъ, наиболѣе намъ въ подробностях извѣстный, не есть ли чистый Великороссійскій характеръ?

Нисколько не думаю я отдавать преимущество Великороссійскому характеру передъ Малороссійскимъ, и радъ поклаяться съ тобою Богдану также, какъ и Мономаху. Видишь ли мое безпристрастіе, съ котораго и бери примѣръ.

Далѣе—Галицкіе бояре похожи ли на Новогородскихъ и прочихъ Русскихъ бояръ?

Нѣтъ, не похожи. Нигдѣ не найдешь ты сходства съ ними въ Русскихъ лѣтописяхъ. Ты скажешь, что подобныя черты въ нихъ пропали. Нѣтъ, были тамъ-сямъ подобныя обстоятельства, случаи въ томъ и другомъ княжествѣ, гдѣ могли бы эти черты оказаться, и попасть въ лѣтописи, но ихъ нѣтъ, слѣдовательно и не было.

Разсмотри, на примѣръ, убійство Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ, послѣдующіе мятежи, обращеніе къ сосѣднему Рязанскому Князю объ избраніи ему преемника — черты чисто Великороссійскія!

Сравни теперь исторію своихъ любезныхъ гетмановъ съ исторіей Галицкихъ бояръ, съ исторіей, пожалуй, современниковъ Курбскаго. Онѣ похожи, какъ двѣ капли воды!

Съ этихъ сторонъ исторія у насъ еще не смотрѣла.

Перехожу къ твоимъ разсужденіямъ:

Ты говорилъ очень много, и одного письма не достало только до дюжины, а если счесть приписку, то и меньше, но ты не доказалъ, что настоящій нашъ письменный Великороссійскій языкъ не могъ по законамъ Филологіи произойти изъ Церковнаго языка, языка лѣтописей.

Ты не доказалъ, что онъ искони есть языкъ совершенно отличный отъ Церковнаго. Это-де двѣ параллельныя линіи, а вотъ, де, формы нарѣчія Великороссійскаго, которыхъ никогда не было въ Церковномъ, которыя столь же древни,

какъ онъ, или по крайней мѣрѣ скрываются въ незапамятныхъ временахъ!

Ты не доказалъ, почему въ Малороссіи нѣтъ пѣсенъ о Володимерѣ, и ссылка твоя на его святость ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсенъ и о Святыхъ —о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ и проч.

Ты не доказалъ, почему безграмотный Малороссіянинъ не пойметъ хорошо страницы лѣтописей, что перевести ее на Малороссійское нарѣчіе гораздо труднѣе, нежели на Великороссійское, для котораго едва перомъ прикоснуться нужно, перемѣнить два-три окончанія, и только!

Я могъ бы остановиться здѣсь, потому что дальнѣйшее продолженіе спора относится по принадлежности къ гг. Срезневскому и Лавровскому, которые пошли даже гораздо дальше моего; но я переберу нѣсколько твою дюжину-безъ малаго, чтобъ пояснить разныя мелкія недоразумѣнія, и сказать что-нибудь, можетъ-быть полезное для молодыхъ друзей науки, которыхъ я преимущественно имѣю въ виду среди всѣхъ своихъ работъ.

Въ первомъ письмѣ своемъ ко мнѣ ты приводишь разныя мои прежнія положенія. Позволь напомнить тебѣ замѣчаніе Шлецера, котораго, жаль мнѣ, что ты вполнѣ не знаешь: «черезъ много лѣтъ позволено себѣ противорѣчить, то есть, между тѣмъ еще чему-нибудь понаучится.» Съ 1845 года я издалъ четыре тома Изслѣдованій, изъ коихъ каждый, ты видишь, сколько стоитъ мнѣ труда! Когда я прошелъ жизнь всѣхъ князей по одиначкѣ, то я узналъ ихъ покороче, нежели когда они представлялись мнѣ въ кучахъ, безпрерывно измѣнявшихся. Въ прежнемъ названіи тѣхъ или другихъ Малороссіянами, въ мимоходныхъ, случайныхъ замѣчаніяхъ, было только логическое развитіе одного и того же положенія о различіи современныхъ нарѣчій. Слѣдовательно припоминать тебѣ мои прежнія замѣчанія было не нужно, тѣмъ болѣе, что я самъ изложилъ весь ходъ своихъ убѣжденій и объяснилъ, какъ и почему которое видоизмѣнялось. Добровскій, геніальный Добровскій, посвятившій всю свою жизнь изученію Славянскаго

языка, называлъ его то Сербскимъ, то Болгарскимъ, и въ предисловіи къ своей монументальной грамматикѣ, коею увѣнчалась черезъ 50 лѣтъ его безпримѣрная дѣятельность, о Церковномъ языкѣ сущую нелѣпицу молвилъ: «это-де Сербо-булгаро-македонское нарѣчіе!» А ты требуешь у меня единства и возвращаешься нѣсколько разъ къ моимъ противорѣчіямъ, мнимымъ и немнимымъ, только для эффекта, за которымъ намъ, братъ, гоняться не подъ лѣта. Насъ занимать должно одно дѣло, а бездѣлье предоставимъ историческимъ вертопрахамъ...

Ты удивляешься тутъ же, что чтеніе Кіевской лѣтописи «облекло утро въ сумракъ почи.» Кіевскую лѣтопись я знадъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ и не имѣлъ понятія ни объ какихъ лѣтописяхъ; слѣдовательно чтеніе Кіевской лѣтописи не могло сообщить мнѣ никакой новости, но приведена мною она только, какъ степень въ развитіи моей мысли.

Во второмъ письмѣ твоемъ ты заводишь на меня совершенную напраслину. Ты говоришь: «Нынѣ ты, любезный академикъ, отожествлял Велико-Русское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, производишь разомъ два разрыва въ естественномъ родствѣ Славянскихъ языковъ: во первыхъ, ты отрываешь Церковно-Славянскій языкъ отъ ближайшихъ съ нимъ языковъ Задунайскихъ или Юго-Западныхъ...» стр. 84.

Съ чего же ты это взялъ? Церковно-Славянскій языкъ остается совершенно на прежнемъ мѣстѣ, въ прежней связи съ «языками Задунайскими или Юго-Западными.» Я представляю только Велико-Россійское нарѣчіе, какъ дальнѣйшее его во времени развитіе, то есть, я составляю изъ двухъ нарѣчій одно, и не разрываю ничего.

«Во вторыхъ,» (продолженіе обвиненія) «ты разрываешь ближайшее родство Русскихъ нарѣчій, по которому Малороссійское и Велико-Россійское нарѣчія, или, говоря полнѣе и точнѣе, Южно-Русскій и Сѣверно-Русскій языки—родные братья, сыновья одной Русской рѣчи.» стр. 85.

«Во вторыхъ» точно такъ же несправедливо, какъ и «во первыхъ,» ибо ничего не утверждалъ я противъ роднаго

братства нарѣчій Велико-Россійскаго и Малороссійскаго, и Малороссійское нарѣчіе можетъ оставаться спокойно въ тѣхъ же родственныхъ отношеніяхъ къ Велико Россійскому; хотя сіе послѣднее и пріобрѣтетъ себѣ въ Церковномъ нарѣчіи нѣсколько лишнихъ заявленныхъ степеней древности. Ты откопалъ мои слова, очень неопредѣленныя, въ какомъ-то замѣчаніи, которое я сдѣлалъ мимоходомъ, съ цѣлію только вызвать на объясненіе вопроса, что повторялъ я часто въ разныхъ формахъ, и *пропустилъ* главныя слова текста, въ которыхъ я отдалъ полную честь твоему любезному нарѣчію: «Россія заключаетъ въ себѣ отрасли и корни всѣхъ племенъ Славянскихъ, и двумя главными своими нарѣчіями, Велико-Россійскимъ и Малороссійскимъ, имѣющими свойства едва ли не всѣхъ Западныхъ и Восточныхъ нарѣчій, на кои раздѣляется обыкновенно Славянскій языкъ, можетъ считаться представительницею всего Славянскаго міра, не только по своей силѣ, могуществу, числу, но и по внутреннему своему составу и языку.»

Слѣдовательно предубѣжденій противъ Малороссійскаго нарѣчія я не имѣлъ, хоть и смѣялся внутренно, что ты, въ своей Исторіи Русской Словесности стр. 131, Малороссійское нарѣчіе ставишь во главѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій.

Разбирать долѣе злосплетенную паутину этого письма утомительно; внимательный читатель найдетъ выше самъ объясненіе мнимыхъ противорѣчій, и происхожденіе, какъ сходства, такъ и различія Малороссіянъ съ Великороссіянами, которыми ты хотѣлъ произвесть эффектъ и можетъ-быть успѣлъ для читателей, незнакомыхъ съ сущностію дѣла.

Въ заключеніе этого письма ты смѣешься надо мною, приводя слова г. Каткова, совершенно противуположныя другимъ, которыя я выставилъ, какъ согласныя съ моею фантазіею.

Позволь мнѣ расплатиться съ тобою словами г. Бодянскаго, которыми ты напрасно подтверждаешь свое мнѣніе о близости Церковно-Славянскаго языка къ Болгарскому: «нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существен-

ными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ.» Какую же выгоду получаешь ты для убѣжденія о близости этихъ языковъ, если они и за тысячу лѣтъ такъ же различались, какъ теперь? Покажите намъ, какіе за тысячу лѣтъ были ближе другъ къ другу, между какими было меньше различія? Помилуйте, господа филологи!—«безъ основаній», «не зная нарѣчій», одно ухо намъ говоритъ, что даже нынѣшній Великороссійскій языкъ, не только языкъ лѣтописей, ближе къ языку Церковному 9-го столѣтія, чѣмъ Болгарскій, по вашимъ собственнымъ словамъ за тысячу лѣтъ уже имѣвшій тѣ же существенныя отличія!

Слова г. Сухомлинова ты называешь моею соломинкою. Ни г. Сухомлинова, ни гг. Каткова, Григоровича, Кубарева, не призывалъ я къ себѣ въ помощь, а приводилъ ихъ слова, какъ доказательство проявленія одной и той же мысли въ разныхъ формахъ, точно такъ, какъ ты приводишь слова Добровскаго съ Сербо-булгаро-македонскимъ, Востокова съ древнимъ Болгарскимъ, и даже Копитара съ Паннонскимъ языкомъ, въ подтвержденіе, что Церковный принадлежитъ къ отдѣлу Задунайскому.

Вотъ, за напоминаніе о словахъ Шишкова, хотя безотчетныхъ и безотчетное, я тебѣ благодаренъ, потому что я или не зналъ ихъ, или забылъ.

Въ третьемъ твоемъ письмѣ ты разсказываешь мнѣ, между прочимъ, что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были.... и на Украйнѣ, въ древнее время, «и это видно изъ лѣтописи Нестора» и проч. Позволь мнѣ сказать тебѣ, что это говорилъ я на своихъ лекціяхъ еще двадцатыхъ годовъ, и въ 1829 году, слѣдовательно за 30 лѣтъ почти, заявилъ въ заглавіи разсужденія: о системѣ сказокъ въ древней Русской Исторіи, изъ котораго Полевой скроилъ тогда же цѣлую статью или главу. Въ 1838 году напечаталъ я объ нихъ разсужденіе, кажется, въ Библіотекѣ. Въ 1839 въ 1-мъ томѣ Изслѣдованій. Въ 1846 году, въ письмѣ къ Шевыреву, напечатанномъ по поводу его лекцій объ Игоревомъ Словѣ, представилъ объ нихъ дополни-

тельное извѣстіе, которое подало тебѣ поводъ прислать мнѣ свои замѣчанія. А теперь ты моимъ же добромъ, да только мнѣ не челомъ!

Ты говоришь здѣсь, что пѣсни Володимеровы у насъ сочинены послѣ Татаръ. Нѣтъ, не сочинены, а измѣнены, передѣланы. Ты приводишь, на примѣръ, на стр. 138. Гетмана Бошняка Шелудиваго, произошедшаго изъ Хана Боняка, который подвизался въ сторонѣ преданій, въ XI-мъ вѣку. Видишь ли, какъ ведутся и передѣлываются народныя преданія?

Въ одномъ изъ примѣчаній къ третьему письму ты говоришь, что мнѣ имя Добрыни казалось только нѣсколько Славянскимъ, и спрашиваешь меня, стр. 93: «отъ чего же нѣсколько, а не вполнѣ? Хотѣлось тебѣ, чтобъ и Добрыня былъ вѣроятно Норманномъ?» Я не могъ понять, гдѣ, когда и какъ я могъ сказать что-нибудь, изъ чего бы можно было вывести подобный вздоръ; перерылъ съ досадою множество своихъ статей, но наконецъ нашелъ, и что же я нашелъ? На оборотъ, что имя Добрыни я называлъ не нѣсколько, а именно вполнѣ Славянскимъ. Ты же перенесъ нарѣчіе отъ глагола къ прилагательному, да и взвелъ на меня такую смѣшную напраслину! Вотъ какъ было у меня написано въ 149-мъ примѣчаніи ко II тому Изслѣдованій: «этому противорѣчитъ нѣсколько Славянское имя Добрыни», то есть: этому нѣсколько противорѣчитъ Славянское имя Добрыни. О, Телеграфъ! Ну, не долженъ ли я на тебя сердиться, что ты заставляешь меня на старости лѣтъ наводить такія справки!

Въ четвертомъ письмѣ своемъ ты не понимаешь, какъ могъ я назвать справедливымъ утвержденіе: «будто «бы въ древне-Русскихъ памятникахъ.... Русскій на«родный языкъ не показался нигдѣ своими особенно«стями, и потому онъ безразличенъ, тожественъ съ «языкомъ нынѣшнимъ. Да не самъ ли ты приводишь «изъ Нестора и Кіевской лѣтописи.... цѣлый рядъ такихъ «мѣстъ, въ которыхъ различаешь слова и обороты не-Цер«ковныя, но, по твоему, чисто Великороссійскія, и это «различіе, этотъ рядъ выписокъ, ты полагаешь въ осно-

«ваніе твоей новой системы?...» Отличая ихъ отъ про-«чихъ Церковныхъ формъ въ языкѣ Нестора и Кіевской «лѣтописи, ты самъ показываешь въ немъ очевидно при-«сутствіе и сочетаніе двухъ языковъ.... Церковно-Славян-«скаго и народно-Русскаго.» стр. 94. Тебѣ хочется пой-мать меня здѣсь въ противорѣчіи. Нѣтъ, противорѣчія ты не найдешь, если захочешь вникнуть поглубже въ мою мысль, которую я повторю для тебя, пожалуй, вкратцѣ: Славянскія племена перетасовались между собою въ незапамятной древности, какъ доказываютъ ихъ раз-сѣянныя имена. Одно и тоже племя оказалось въ Маке-доніи, Кіевѣ, около Волги, можетъ быть, въ Крыму. Въ разныхъ мѣстахъ оно подвергалось разнымъ вліяніямъ, получило разныя отличія,—вотъ тебѣ и объясненіе отличій въ языкѣ лѣтописей отъ языка Остромирова Евангелія. Вотъ что я разумѣлъ подъ Великороссійскими, не-Церков-ными словами и оборотами въ лѣтописяхъ. Ясно ли?

Ты не упускаешь еще случая попрекнуть меня за нор-манство. «Ты де и Миѳологію нашу считаешь Нор-манскою.» Да, да, я почитаю Варяговъ-Русь Норманнами, хоть и долго было это мнѣ очень противно, и очень хотѣ-лось мнѣ, чтобъ они были Славянами. Я остаюсь твердо убѣжденнымъ, что Норманны принесли намъ гражданствен-ность, свои имена, свои обычаи, свои законы и свои вѣ-рованія (не могли жъ они придти, отрѣшась отъ своей прежней жизни). Все это впослѣдствіи времени подверг-лось Славянскому туземному вліянію и составило нако-нецъ едино. Я убѣжденъ въ норманствѣ Варяговъ, какъ убѣжденъ былъ и Карамзинъ.

Припомню здѣсь кстати его выраженіе, мнѣ сказанное, и врѣзавшееся въ моей памяти, когда я представилъ ему свой переводъ Эверса, изданный Историческимъ Обществомъ. (Прежде посвятилъ я ему «О происхожденіи Руси»). «Ну, вотъ зачѣмъ Общество распространяетъ такія мнѣнія (о козарствѣ Руси)? То-то, у насъ есть слова, а нѣтъ вещей. Если есть какая историческая истина, такъ это, что Рюрикъ былъ Норманнъ. Здѣсь нѣтъ ни-

какого сомнѣнія, какъ нѣтъ сомнѣнія въ Сципіонѣ, или, я не знаю, въ чемъ. »

Занимаясь Норманнами много лѣтъ, отыскивая и находя ихъ слѣды въ нашей древней исторіи, я, разумѣется, пристрастился къ нимъ, но теперь, теперь дорожу я только историческою истиною, да настоящимъ положеніемъ племенъ, и рѣшительно равнодушенъ къ тому, тотъ ли, другой ли элементъ занималъ сначала главное мѣсто. Какъ убѣжденъ я въ норманствѣ Варяговъ-Руси, такъ убѣжденъ, что все, написанное до сихъ поръ о славянствѣ Варяговъ-Руси, отъ Ломоносова до тебя включительно, не выдерживаетъ критики. Что откроется впередъ о славянствѣ Варяговъ-Руси, я не знаю, но готовъ выслушать и принять всякое дѣльное изслѣдованіе.

Лѣтъ пять тому назадъ, я нечаянно встрѣтился въ Петербургѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, г-мъ Г., и услышалъ отъ него такія примѣчательныя о Сѣверныхъ Славянахъ соображенія, что онѣ возбудили все мое вниманіе. Я увидѣлъ въ нихъ новый шагъ впередъ, и вмѣстѣ возможность соединенія, примиренія двухъ системъ о происхожденіи Руси. Съ тѣхъ поръ я ничего не слышу объ немъ и жалѣю, что онъ не издаетъ своихъ любопытныхъ изслѣдованій. Видишь ли мое безпристрастіе? А ты все тотъ же щирый Малороссіянинъ, какъ былъ и прежде.

Что ты говоришь далѣе о « Русскихъ » словахъ въ договорахъ, « головахъ » и проч., и почему съ такимъ напряженіемъ раздѣляешь народныя Русскія формы въ Словѣ о полку Игоревѣ отъ находящихся тамъ же Церковныхъ формъ, я рѣшительно не понимаю.

« Голова, голосъ, соловій, молодый, золото, шеломъ или шоломъ, молотятъ, городъ, ворота, забороло, воронъ, хоробрый, берегъ, одинъ, озеро, собѣ, ночь. »

« Неужели и здѣсь », заключаешь ты съ торжествомъ, « не показалась еще наша народная Русская рѣчь своими особенностями? » Ну, да, показалась; но развѣ я говорю другое? Всѣ приведенныя тобою слова суть такъ же чисто Великороссійскія, и ты можешь сказать только, если онѣ принадлежатъ и Малороссійскому нарѣчію, что ихъ нельзя

употреблять для исключительнаго доказательства въ пользу первыхъ, точно такъ, какъ ты долженъ бы былъ сказать только это и о трехъ моихъ, по твоему счету, Великороссійскихъ дюжинахъ, составляющихъ предметъ твоихъ писемъ, пятаго, шестаго, седьмаго и проч.

Отправляя мое письмо г. Срезневскому для напечатанія, я просилъ его, кажется, исключить изъ моего списка слова, неправильно мною приведенныя, но онъ напечаталъ ихъ сполна, изъ чего я заключилъ было о своей правости.

Ты подбираешь къ нимъ Малороссійскія, это ничего еще не значитъ: я подберу къ нимъ, пожалуй, изъ словаря Линде Польскія, Юнгманова Чешскія, Вукова Сербскія, (есть хваты подбирать изъ Греческаго, Латинскаго, Кельтическаго, а о Санскритскомъ и толковать нечего), но, главное, складъ, тонъ, эта совокупность, или, я не знаю ужъ, какъ лучше выразиться, эта понятность рѣшаетъ, по моему мнѣнію, въ пользу Великороссійскаго нарѣчія. А Малороссійскихъ, исключительно Малороссійскихъ словъ и оборотовъ въ лѣтописяхъ нѣтъ, нѣтъ, не смотря на твое горячее желаніе отыскать хотя малую толику, что для меня весьма примѣчательно и важно. Тѣ, на которые ты указываешь въ своихъ седьмомъ, осьмомъ и девятомъ письмахъ, такъ же чисто Великороссійскіе, какъ и выбранные на удачу мною, и потому напрасно ты говоришь (ст. 106.): «вольно же тебѣ называть Великороссійскимъ то, что принадлежитъ въ Несторѣ и Кіевской лѣтописи Малороссійскому нарѣчію и языку Церковному.» На оборотъ, вольно тебѣ называть Малороссійскимъ то, что принадлежитъ намъ искони. Возми же назадъ свое обвиненіе: не добро есть преступати предѣла чужаго!

Ты указываешь, на примѣръ, на: «а думай, гадай о Русской землѣ».... «думати-гадати есть одно изъ любимѣйшихъ выраженій пѣсеннаго и разговорнаго языка Южно-Русскаго.» Помилуй, выдь на улицу въ Москвѣ, и ты на всякомъ шагу отъ любой бабы подслушаешь: я не думала, не гадала, и проч.

Ты присвоиваешь себѣ звукъ «а» и съ торжествомъ замѣчаешь, что мой корректоръ Великороссіянинъ поставилъ

«отпроводя» вмѣсто «отпровадя», принадлежащаго Малороссійскому нарѣчію, и насчитываешь всѣ глаголы: провадити, запровадити, и проч. Помилуй! Провáжать, т. е. *а* вмѣсто *о*, есть обыкновеннѣшій Московскій выговоръ, который ты услышишь повсюду, и ты самъ, на стр. 129., приводишь: «*звонять въ колокола.*» Мнѣ даже бываетъ досадно на это слишкомъ усиленное смягченіе, и я особенно любилъ произношеніе нашего незабвеннаго Мерзлякова, у котораго слышалось *о*, но безъ сѣверной грубости.

Такъ точно не принимаю я исключительности Малороссійской въ перемѣнѣ *г* на *з*, стр. 116.: *при дорозѣ*. Самая общенародная Русская пѣсня есть *во лузѣхъ*, *въ лузѣхъ*, во зеленыхъ *лузѣхъ*. Теперь, на возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ, свернувъ немного съ дороги въ Мосальскій уѣздъ, я услышалъ отъ ямщика: *на лошадехъ*. За Вологдой я слышалъ гдѣ-то: *даем*.

Иные слова и обороты могли впрочемъ у насъ пропасть, какъ пропали другіе у васъ, или перемѣнить свое значеніе, что ты самъ замѣчаешь, стр. 129, о *заворожити*, *папоръ*, *вѣверица*, *хоробрый*.

Совокупность всѣхъ этихъ впечатлѣній, замѣтокъ, бытей, и была источникомъ моей фантазіи, а не одна Кіевская Лѣтопись.

Что касается до Малороссійскаго нарѣчія, не находя нигдѣ удовлетворительныхъ о немъ свѣдѣній, я повторялъ безпрестанно о необходимости его ученой обработки, а ты, вмѣсто спасиба, подбираешь теперь по зернышку всѣ мои слова и силишься найти въ нихъ противорѣчія. Я готовъ признать древность Малороссійскаго нарѣчія, какую угодно, но прежде покажите мнѣ ее ясно. На твое безпристрастіе я не надѣюсь со времени нашего спора объ Андреѣ Боголюбскомъ, котораго ты ругалъ за разореніе Кіева 1169 года, никакъ не принимая въ разсчетъ, что разореніе Рюриково (Ростиславича) было гораздо болѣе достойно порицанія. Тогда же я рѣшился адресовать свое письмо, вмѣсто тебя, къ Срезневскому.

Въ осьмомъ письмѣ своемъ говоришь, стр. 122: «а съ какою правильностію и отчетливостію писали, прежде Нестора,

на Церковномъ языкѣ, и Новгородскій діаконъ Григорій въ Евангеліи Остромировскомъ (1056), и дьякъ Іоаннъ, вѣроятно Кіевскій, въ Изборникѣ Святославовомъ» (1073). Нѣтъ, **не писали Григорій и Іоаннъ, а списывали. Это большая** разница. Въ 17-мъ вѣкѣ, изъ котораго ты приводишь примѣръ, и даже въ 19-мъ вѣкѣ (читалъ ты Славянскую рѣчь Григоровича?) не мудрено съ помощію грамматики и лексикона писать по Славянски, не обращивая ни одного новаго слова и оборота, а въ 10, 11, невозможно.

Неужели ты думаешь, что въ числѣ пять языковъ, извѣстныхъ Всеволоду, заключились Церковный и Малороссійскій? Чѣмъ нарѣчія ближе между собою, тѣмъ труднѣе ихъ не смѣшивать.

Въ девятомъ письмѣ, на Митрополита Кирилла III, на Серапіона изъ Кіева, на Святаго Петра Митрополита Волынца, на Епифанія Славинецкаго, ты показываешь, какъ на Малороссійскихъ писателей, стр. 126. Помилуй—да развѣ они писали по Малороссійски?

Вотъ замѣчаніе твое объ относительной молодости Карпатскаго нарѣчія передъ Украинскимъ, стр. 128., кажется мнѣ важнымъ. Если оно справедливо, тогда изъ Галиціи выволить Малороссіянъ нельзя: но у меня останется еще въ резервѣ внутренность Карпатскихъ горъ въ **Венгріи, гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы!**

Въ 10-мъ письмѣ ты надѣваешь на меня Малороссійской *кожухъ*, но это слово до Татаръ не встрѣчается, слѣдовательно мнѣ не принадлежитъ: скидаю. *Сорочка* употребляется у Великороссіянъ одинаково, а въ Церковномъ срачица. *Черевики* продолжаются у насъ до сихъ поръ. *Корзна* потеряли мы вмѣстѣ. Осталась у тебя одна *свита*, которую мы могли потерять такъ же (*), какъ вы, положимъ, потеряли *сапоги*. Но отъ *избы*, которая разъ пятнадцать встрѣчается въ лѣтописи, ты не отдѣлаешься никакъ: круци, верци, а треба вмерци!

(*) Нѣтъ, не потеряли и свиты: слушатели, которымъ я прочелъ свою статью, утверждали единогласно, что свита осталась до сихъ поръ въ Рязанской сторонѣ.

Квасъ и медъ, пожалуй, будемъ пить вмѣстѣ на здоровье.

Въ прибавленныхъ тобою примѣрахъ о словѣ «отечество», значеніе его подъ 1115 и 1147 г. кажется мнѣ не такъ яснымъ, какъ въ послѣсловіи мниха Лаврентія: странникъ въ отечество свое пришедъ.

Мнѣ остается еще расплатиться благодарностію за указаніе мнѣ ошибки въ моемъ древнемъ географическомъ словарѣ: точно надо писать Свинюхи, а не Свинуси, какъ я написалъ по предложному падежу. Ты не можешь себѣ вообразить, какое дѣтское удовольствіе приноситъ мнѣ такая поправка, подъ пару Росухѣ вмѣсто Росусы, за которую я тебѣ же обязанъ. Видишь, какъ я люблю дѣло, и въ знакъ благодарности служу тебѣ поправкою объ Князѣ Андреѣ, 1140 года, котораго ты напрасно назвалъ Юрьевичемъ. Это былъ Володимеровичь, и Ростиславъ приходился ему не братъ, а племянникъ. Квитъ ли?

Заключаю, чѣмъ и началъ. Статья твоя написана прекрасно, но какъ пристрастная антикритика, а не какъ безпристрастное разсужденіе о дѣлѣ. Ты долженъ былъ прежде всего разобрать основанія гг. Срезневскаго и Лавровскаго, и показать ихъ несостоятельность, а потомъ, въ дополненіе, произнести приговоръ моимъ мечтаніямъ, которымъ я самъ не придавалъ никакого особеннаго значенія, призывая знатоковъ на судъ и даже на осужденіе. Ты долженъ былъ спокойно объяснить мои недоразумѣнія и показать, что Великороссійскія, по моему, отмѣны суть вмѣстѣ и Малороссійскія и т. п. Я могъ получить ударъ развѣ рикошетомъ отъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго, а ты поступилъ на оборотъ, оправдываясь тѣмъ, что не хотѣлъ идти на муху съ обухомъ и съ топоромъ за комаромъ. Пословицу эту повторю я съ злымъ умысломъ вызвать васъ повѣрнѣе на горячій споръ и объяснить спорное дѣло. А кстати я сердитъ теперь на нихъ не меньше, чѣмъ на тебя. Вообрази—первый, въ своемъ послѣднемъ разсужденіи объ Іоакимовой лѣтописи, причисляетъ меня къ противникамъ Татищева и выкапываетъ слово «неученый», которое я употребилъ о немъ, какъ бы ты думалъ, гдѣ?

Въ Отечественныхъ Запискахъ Свиньина, въ 1826 году, (тридцать лѣтъ назадъ) и не хочетъ знать, какую похвалу воздалъ я Татищеву въ своихъ Изслѣдованіяхъ. Позволительны ли такія вещи въ ученыхъ изслѣдованіяхъ? Второй, въ своихъ предисловіяхъ, послѣсловіяхъ, и вступленіяхъ, обходится такъ..... Но боюсь заговориться, и откладываю свой разсчетъ до другаго раза.

М. Погодинъ.

Декабря 8, 1856.
Дѣвичье Поле.